

A composite image featuring a bride in the foreground and a motorcyclist in the background. The bride, with her eyes closed and a serene expression, wears a white veil and a leafy crown. Her hands are clasped in front of her. In the background, a motorcyclist in a black suit and helmet sits on a black and green Yamaha motorcycle. The scene is set in a park with a gazebo and trees under a warm, sunset-like sky.

ЕЛЕНА
РЕЙН

ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ
ПРИТЯГИВАЮТСЯ

Елена Рейн
Противоположности
притягиваются
Серия «Только моя», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33580165
SelfPub; 2018*

Аннотация

Когда в твоей жизни идет сплошная черная полоса, а в ближайшее время предстоит свадьба с нелюбимым жестоким человеком, то ты готова на многое, чтобы вырвать у жизни хоть чуть-чуть счастья. Вот и Милана, нежная хрупкая девушка, соглашается на соблазнительное предложение и окунается на две недели в водоворот запретных чувств и безумных желаний. Но время вышло, договоренности исполнены и нужно возвращаться в реальность. Да только у судьбы на этот счет свое мнение и непредсказуемые планы. ТОЛЬКО МОЯ – 4Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	36
Глава 6	47
Глава 7	58
Глава 8	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Елена Рейн

Противоположности притягиваются

Глава 1

Андрей

Стоял на балконе и курил, смотря на ночной Бердск. Холодный ноябрьский воздух бодрил, обдавая прохладой тело, разгоряченное после дикого секса с дивной куколкой. Люблю холод, и сейчас он мне необходим, зная, что в ближайшее время буду выслушивать жалобы, просьбы, а потом и проклятья разъяренной девушки, с которой спал пару раз. Или больше? Не помнил, да и не хотел вспоминать, потому что не считал ни нужным, ни важным. Изначально сказал Веронике, что у нас – только секс, но сегодня врубился, что она этого не понимает, считая, что у нас вроде как отношения. Идиотка. И каждый раз одно и то же. Раздражает.

Сделал последнюю затяжку и, затушив окуроч в хрустальной пепельнице, которую девушка купила якобы специально для моих визитов. На хрена она ее приобрела, если сама не

курит и, вроде как, не разрешает другим? Подарок? Мне без разницы... даже не думал, что она мне тут нужна. Соседи бы точно не обиделись на пепел, если учитывать ветер, то никто бы не заметил.

— Айсберг, ты скоро? Твоя девочка соскучилась, — послышался томный голос девушки, желающей продолжения банкета.

Но... не судьба. Пролетела, дорогая. Мне некогда. Встреча с друзьями в баре, а потом, наверное, посплю. Отдохну, наконец-то, а то скоро полиция будет останавливать, видя мои стеклянные от недосыпа глаза, принимая за обкуренного наркомана. Знаю по собственному опыту, как ни печально. Но все заканчивалось хорошо. Звонок другу, и меня с улыбкой пропускают, матеря про себя последними словами. Неважно, времени на проверки на алкоголь у меня нет, поэтому оперативно избавляюсь от ненужных процедур.

Вдохнув чистый воздух, открыл балкон и пошел к своим вещам. Черные кожаные брюки на мне, а где остальное? Так, оглядел комнату, скользнув взглядом по красивой девушке с нежной оливковой кожей, эротично потягивающейся на постели. Брюнетка, несомненно, шикарна, как и ее формы, но уже не хотелось. Наелся, так сказать, пора и честь знать.

Черная футболка обнаружилась на кресле молочного цвета с непонятным выбитым рисунком, быстро ее натянув, направился дальше по коридору, внимательно смотря по сторонам. Да, хорошенькая встряска была, раз не помню, где

раздевался.

– Любимый, ты куда? Я думала, мы замечательно продолжим... – выкрикнула девушка, вскакивая с постели, очевидно, чтобы остановить меня.

Слова взбесили, ну вот на хрена вот так навязываться и начинать предложение со слова «любимый», вызывая мгновенное желание испариться? О, нашел куртку на полу в коридоре. Отряхнул верхнюю одежду и тут же надел на себя.

Девушка уже стояла напротив в красных кружевных лоскутах, почти не скрывающих красивое тело, и смотрела на меня. Вероника злилась, что видно было по ее лицу. Решил уточнить свои действия:

– Я ухожу. Прощай.

– Стой, Айсберг. Остайся. Подожди. Хочешь, я сделаю тебе приятное? – ласково предложила она, выпячивая упругую грудь.

– Ты уже делала, милая. Спасибо, – буркнул, ступая в кожаные кроссовки. Все еще надеялся, что обойдется без истерики.

– Постой, я могу сделать так, что ты будешь умолять меня не останавливаться. Я такая плохая и способная девочка!

– Не интересуется, – грубо рявкнул, снисходительно смотря на нее, ожидая новых приставаний. Блять, опять хочется курить.

– Мм-м, а может, завтра сходим куда-нибудь? – сладко пропела девушка, игнорируя мои слова.

Обулся и встал у порога. Поймал ангельски-притворный взгляд Вероники и лениво произнес:

– Нет. Больше не приду. Удачи.

– Не поняла, – чуть возмутилась она, стараясь держать бесенство в себе, что у нее хорошо получалось. Видно, привыкла играть в такие и игры, впрочем, как и я.

– Что непонятного? Потрахались, и хорошо. Теперь идем разными дорогами.

– Постой, но я ведь люблю тебя! – изумилась Вероника, видимо, считая, что от этих слов я должен подлететь к ней и предложить руку и сердце. Обойдется. Даже в шутку не думаю о таких глупых вещах.

– Сочувствую, – отрезал, взяв в руки шлем.

Вероника пораженно посмотрела на меня и открыла ротик, такой способный и умелый, что на секунду подумал о продолжении, но отбросил этот вариант. Она прищурила глаза, и прошипела, постепенно повышая голос:

– Сволочь! Скотина! Да я... Да мой отец, он тебя живьем закопает, сам приползешь ко мне!

– Навряд ли. Удачи! – ухмыльнулся, и, открыв дверь, быстро направился по лестнице, не дожидаясь лифта.

Она кричала мне что-то вслед, но я старался не принимать на свой счет. Ну, вот почему всегда такая хрень? А ведь перед первым сексом всегда все обговариваю, чтобы избавить себя и партнершу от лишних эмоций, но нет. И что интересно – всегда веду себя как сволочь, но видно это притягивает.

Да плевать... завтра найду другую.

Только вышел на улицу из богатого дома, надел шлем и сел на свой байк, как вдруг хлопнула дверь соседнего подъезда. Из нее вылетела миниатюрная красивая блондинка в фиолетовой курточке, которая, шмыгая носом и вытирая руками лицо, по всей вероятности, плакала. Очевидно, от кого-то бежала, торопясь в сторону остановки.

Не знаю почему, завел байк, и подъехал к ней. Перегородил путь и, повернув ключ зажигания, пристально посмотрел на недоумевающую хрупкую красавицу, а потом прямо спросил:

– Подвезти?

Девушка отчаянно затрясла головой в разные стороны, делая шаг назад. Охренеть. Я что, такой страшный?

– Может подкинуть до дома? – попробовал еще раз, не желая оставлять ее здесь.

– Нет, – выдохнула незнакомка, смотря огромными голубыми глазами так, что у меня появилось дикое желание молча сграбастать это милое создание и увезти подальше. – Отстаньте от меня, пожалуйста.

От этих слов в груди разгорелась ярость. Да хрен с тобой, плачь и иди пешком! Промолчал, а малышка обошла мой байк, и побежала в сторону остановки. Но, не дойдя до нее, увидела такси и махнула рукой. Машина тут же остановилась, и девушка быстро села в нее, даже не оглянувшись.

Недовольно сжал губы, надеясь встретиться с этой девоч-

кой еще раз, тогда уж точно поведу себя по-другому. Услышал грохот двери и из того же подъезда выбежал полуголый парень, смотря в сторону остановки. Видимо красивый ангелочек из-за этого мудака плакал. Появилась бешеная ярость, захотелось дать в морду обидчику девушки, чтобы успокоиться. Урод.

Увидев меня, мужик стал приближаться. Хищно посмотрел на него, давая понять, что не стоит так рисковать. Он нахмурился и остановился. Переборол свое желание хорошенько подраться, завел байк, и поехал. Пусть сами разбираются.

Настроение упало, и желание сидеть в баре испарилось. Покатался по городу и за его пределами по основной трассе, получая адреналин от безумной гонки с ветром. Ни с чем не сравнимое ощущение. Нельзя объяснить, невозможно забыть. Ты теряешься для всех, растворяясь в жажде скорости, полностью сосредотачиваясь на дороге. Становишься одним целым со своим зверем, разделяя одну душу и жизнь. Он не прощает ошибок, жесток, даже беспощаден, но честен во всем. Сумасшедшая езда всегда будоражит мою кровь и вызывает бешеные эмоции.

Добрался домой, в свою небольшую двухкомнатную квартиру, приобретенную недавно, и пошел в душ. Не вытираясь, обернул полотенце вокруг бедер и направился на балкон, взяв с полки сигареты и зажигалку. Курил, чувствуя холодные потоки ветра, наслаждаясь этим ощущением.

Смотрел в ночную мглу, сегодня ни звездочки. Очень жаль. Звездное небо обычно напоминало мне о семье, не знаю почему. Не сказал бы, что я скучаю, ведь они трагически ушли из моей жизни, когда я был мальчишкой, и никогда не ощущал родительского тепла и заботы, но, тем не менее, всегда думаю о них, жалея, что жизнь такая хреновая штука. Дед, конечно, воспитал, но ему это далось тяжело, потому что я рос непослушным драчливым пацаном. Угрозы и наказания не имели действия. Все, что меня интересовало это спорт, техника и девочки. И лишь когда я сам понял, что надо что-то менять в своей жизни, чтобы не опуститься на дно, взялся за ум. Никогда не ломал себя, подстраиваясь под кого-то. Нет, всегда шел на рожон, наплевав на всех. Кому не нравится, это их проблемы.

Уже в кровати, перед тем как вырубиться, подумал о девочке с голубыми глазами, неприязненно смотрящей на меня. Интересная особа, несомненно, добрая и невинная, что меня всегда отталкивало, заставляя держаться подальше от таких святош. Да на кой черт она мне сдалась? Меня не интересуют ангельски-правильные девочки с огромными запросами на мою личную свободу, хотя эта, крошка, однозначно пришла бы в ужас от моей идеи. Недовольно покрутил руками, разминая пальцы, и через время уснул.

Глава 2

Милана

Дрожащими руками снимала куртку, пытаюсь успокоиться. Глупая, зачем поехала? Не хотела, пошла против себя, и тут такое... Знала, что Захар – бабник и подлец, но увидеть его с двумя девушками было противно и мерзко, ведь я через две недели выхожу замуж за него. Не по любви, конечно, а по приказу отца, из-за его бизнеса, который у него на первом месте.

Мы никогда не понимали друг друга, как бы я ни пыталась наладить наши отношения, даже будучи маленькой девочкой, когда мы еще жили с мамой. Отец никого не любит кроме себя и своего бизнеса. Хотя нет, сейчас в его сердце Мария. Высокая роскошная блондинка, отбившая отца у моей матери, пока заботилась о ней в должности сиделки. Коварная хищная женщина, притворяющаяся добрым ангелом-хранителем перед моим родителем и всеми, кто на ее взгляд этого достоин, исходя из размера их благосостояния.

Моя мама, Ройф Зинаида Витальевна, к огромному моему сожалению, сейчас живет не с нами и даже не в нашей стране. Она находится в Англии уже третий год, пребывая в до-

рогостоящей клинике. Диагноз: рак головного мозга. Первое время Зинаида держалась, а потом поникла, и стала отстраняться ото всех, не веря в свое выздоровление. Наши звонки, в которых она постоянно со мной прощалась, обсуждая кончину как само собой разумеющееся, случались все реже.

После общения с мамой, я запиралась в комнате и плакала, надеясь, что этого не случится, и она поправится. Было тяжело ежедневно слышать прощальные слова, но я нуждалась в ее голосе, словах, нежной ласке и любви даже на расстоянии. Раньше мы с ней были очень близки, а сейчас... она никого не хочет видеть, отказывается от моих звонков, и я больше года общаюсь с персоналом, заверяющим, что для ее состояния она себя чувствует нормально, но не желает разговаривать. Не передать, как это больно, когда любимый человек не хочет тебя даже слышать. Такая малость, и не доступна.

Чувствовала себя ненужной, но понимала, что это только из-за болезни, ведь это не в характере матери. Полгода назад, я не выдержала, и, купив билет на самолет, решила в тайне поехать к ней. Проведать ее, увидеть, хоть на мгновение. Отец, Ройф Сергей Сергеевич, запретил выезд, и меня сняли с самолета. Помню тот позор, непонимание и обиду, но ему было все равно. Он заявил, что, если еще раз попытаюсь такое совершить, он перестанет платить за ее дорогостоящее лечение. На мою истерику, процедил, что я должна уважать желание больной матери, и не быть эгоисткой.

А потом открылось, что его влиятельный деловой партнер, Вигорский Евгений, с которым он совсем недавно стал работать, решил, что его сын должен быть семейным человеком и я идеально подхожу на роль жены. Мой отец, конечно, согласился, и уже полгода как все было решено, а теперь пришло время нас познакомить, чтобы мы привыкали друг к другу. На мой отказ отец стал открыто меня шантажировать лечением моей матери. Раньше он обрабатывал меня в более мягкой форме, напоминая о своей доброте, а теперь категорично и без вариантов. Мои гордость и желания в обмен на жизнь матери. Жестоко, но действительно.

Что сказать, за это время я возненавидела его как никогда, всей душой, чувствуя себя вынужденной пленницей. Совсем не слышала голос мамы, только видела счета за ее лечение, указания и требования. И вот, через две недели моя свадьба.

Что говорить, мой жених, Захар – эгоист, относящийся к современной разбалованной молодежи, живущий на широкую ногу. Он с первого раза мне не понравился, хотя внешне мужчина очень приятен и выглядит довольно хорошо. Но его пренебрежение, презрение, даже ненависть к тем, кто не так богат, отталкивают меня от него как от чумы. Пыталась идти через себя, стараясь быть послушной дочерью, чтобы отец не прекратил выплаты, но с каждым днем становилось все труднее. Внутри я разрывалась от одиночества, обиды и непонимания.

И вот, наивно решила устроить жениху сюрприз, и пого-

ворить по душам. Надеюсь, что он поймет меня, и мы станем по-другому общаться. Верила в хорошее и человеческое в нем, спрятанное внутри, что сделает возможным нашу совместную жизнь. Глупо рассуждала, что, если поговорим, мы станем ближе. Но нет, если мужчина ведет себя нагло, подло и даже жестоко по отношению к другим, душа у него черная и прогнившая. А я наивно мечтала попросить о помощи, чтобы съездить к своей матери. Думала... глупая дуреха.

Увидев меня, Захар даже не смутился и предложил войти, а своих «девочек» попросил пройти в комнату и подождать его. Моему удивлению, неверию, ужасу не было предела, на что он только усмехнулся и посоветовал привыкать. Видите ли, после свадьбы только моя жизнь круто поменяется для его удобства и выгоды, а он продолжит вести «обычный» образ жизни.

Надолго меня не хватило. Выбежала со слезами на глазах, не зная, что делать. Даже не помню, как добралась домой. Зато, войдя в дверь нашего двухэтажного коттеджа, поняла, что нужно сделать. Пусть отец, что хочет, то и придумывает, а с меня довольно. Попрошу денег у деда со стороны отца. Ройф Сергей Иннокентьевич – жадный и алчный старик, но ради матери, я попробую с ним договориться, ведь не может быть все так плохо.

Сняла куртку в огромной гардеробной и направилась к мраморной белоснежной лестнице. Резко зажегся свет, и я увидела отца, со злостью смотрящего на меня. Высокий ху-

дой светловолосый мужчина, стоял облаченный в черные брюки и белоснежную рубашку, очевидно недавно только явившись с какого-то мероприятия. Если нет Марии, значит, ждал меня, а она уже поднялась наверх. Что же, Захар позвонил и на свой лад рассказал о нашей встрече. Правильно, зачем откладывать разговор на завтра? Сегодня и сейчас.

Уверенно посмотрела отцу в глаза и прямо сказала:

– Я не выйду за него замуж!

Сергей Сергеевич смерил меня пренебрежительным взглядом и, открыв рот, тут же его закрыл. Замерла, совсем не ожидая такой реакции, удивляясь странному поведению отца. Но тут же услышала:

– Я забочусь о твоей матери! А ты – неблагодарная эгоистичная дрянь!

Резко сделала шаг к нему и, пытаясь не сорваться на крик от обиды, хрипло прошептала:

– Это ты виноват, что она закрылась в себе и стала тенью. Уничтожил ее надежды и любовь, жестоко обманывая с сиделкой, а потом избавился, как от ненужной вещи, чтобы не мешала твоим грандиозным отношениям с Марией.

Видела, что он хотел замахнуться, что иногда бывает во время наших споров, но сейчас отец не опустился до нормальной для него низости. С чего бы это?

– Я не избавлялся! – процедил он. – Дал деньги и огромную квартиру.

Меня трясло, вспоминая состояние мамы после того, ко-

гда она застала их вместе в гостиной, а отец, как ни в чем не бывало, оделся, и заявил, что больше не намерен жить с больной и немощной женщиной. Эти слова она часто повторяла вечером, сидя в кресле на лоджии, не веря в произошедшее. Зинаида его очень любила, даже после того, что он совершил, и надеялась, что он одумается.

– Зачем ей она, когда мама тяжело болела и хотела твоей любви и заботы, а ты убивал ее, занимаясь новой жизнью!

– Я мужчина! – выплюнул Сергей Сергеевич, стискивая кулаки.

Не стала слушать, развернулась и пошла по лестнице. В душе все кипело, находясь в стадии взрыва. А потом... застыла на месте и пробормотала:

– Никогда тебе этого не смогу простить.

За спиной послышалось неприличное восклицание и громкий крик:

– Мне и не нужно твое прощение. Я любил Зину, но, ни что не вечно.

Медленно повернулась, и тихо задала вопрос, который всегда меня мучил, как только стала подрастать:

– Ее, возможно, «да», когда-то, а меня никогда. Почему?

На секунду в его глазах вспыхнули гнев и злость, но потом они исчезли, а отец, успокоившись, ухмыльнулся и соизволил ответить:

– Ты стала огромным разочарованием для меня. Во всем. Я не хотел такую дочь. И даже сейчас выкаблучиваешься,

зная, что у меня будут проблемы, если ты не выйдешь замуж за Захара.

Возмущение плескалось во мне дикими, необузданными волнами, но я решила быть выше истерик. Внимательно посмотрела на отца и гордо произнесла:

– Почему я разочарование для тебя? Что я сделала не так? Всегда примерно училась, золотая медаль, сейчас иду на красный диплом. Соревнования, олимпиады и помогаю тебе на предприятии. Что не так?

Мужчина фыркнул, усмехаясь чему-то, а потом посмотрел куда-то в сторону, и вновь на меня, процедив:

– Да что ты помогаешь? Встречаешь гостей и развлекаешь? Это жалкая должность даже для самой тупой курицы.

– Но другой ты мне не даешь, хотя твой экономист имеет техническое образование и очень некомпетентен в некоторых вопросах, а я...

– Хватит! – резко рявкнул отец. – Еще не хватало от соплячки выслушивать что-то. Если Виола работает, значит, меня устраивает. А ты... а ты... вот тебе я не доверяю!

– Почему? – возмутилась я.

– Нечего совать нос, куда тебя не просят.

– А что, есть что скрывать? – тихо поинтересовалась я, мысленно ставя себе галочку как-нибудь посмотреть финансовые документы по его работе, когда девочки оставят их на столах, что случается очень часто.

Отец почернел взглядом, посылая столько ненависти и

злости, что с непривычки можно было бы отлететь в сторону от такого негатива. Но я привыкла, отец никогда не был другим по отношению ко мне.

– Много говоришь, девчонка. И... как ты собираешься достать деньги? – приподняв левую бровь, спросил он.

– Попрошу у деда, – спокойно проговорила я. – Думаю, он не так жесток, как ты, чтобы продавать родную дочь.

Отец рассмеялся скрипучим неприятным смехом, что стало не по себе. В это мгновение передумала все: что дед поддерживает его и все в курсе нашего конфликта с отцом, и что никто мне уже не поможет. Самые плохие и страшные мысли, режущие по живому. Но Сергей Сергеевич, успокоившись, с интересом посмотрел на меня и предложил:

– Что же, попробуй. Отец, даже мне, родному сыну, ничего не дал для того, чтобы я встал на ноги в мире бизнеса. А тебе... тебе... Попробуй, мне даже интересно, что старик тебе ответит.

Сказав это, он развернулся и направился в кабинет, а я продолжала стоять, чувствуя на себе липкую неприятную паутину от его слов. Но тут Сергей Сергеевич резко остановился, и отчеканил:

– Милана, если завтра вечером ты не дашь мне положительный ответ, то я закрою твои счета, а также дам запрет на все счета за лечение твоей матери. И делайте что хотите. Мне плевать.

Бросив грязные слова мне в лицо, он продолжил свой путь

далее, а я села на ступеньку лестницы, не видя ничего перед собой. Слезы рвались наружу, несмотря на мои вечные обещания и оправдания, что я привыкла и больше никогда не буду плакать. Но нет, почему-то так невыносимо больно, что невозможно дышать.

Завтра с утра поеду к деду и поговорю с ним. Обязательно. А пока... пойду спать. Вечер у меня сегодня просто ужасный. Посмотрев на часы, ужаснулась времени. Три часа ночи.

Поднялась и тихо пошла по мраморной лестнице, а потом по коридору в свою комнату. Через полчаса я лежала в кровати и держала в руках рамочку с фотографией мамы. Она на ней такая веселая, лучезарная, с огромным счастьем в бездонных голубых глазах. Медленно провела пальчиком по ее светлым длинным волосам и самой ласковой, нежной улыбке. Старалась не думать о причинах и следствиях, просто вспоминала, вновь чувствуя себя любимой и нужной, маминой девочкой.

Глава 3

Ройф Сергей Иннокентьевич сидел в черном кресле и, недовольно прищурившись, смотрел на меня. Дедушка был человеком весьма сложного характера, даже скверного и склочного, что, несомненно, отражалось в его манере общения. Особенно он не терпел неуважения к себе, ни в каком виде, что доходило до паранойи. Считался суровым директором-диктатором, являлся бездушным отцом и жестоким мужем для своей второй жены. Раньше он был другим, когда была жива моя бабушка, насколько знаю по рассказам тети Марины, живущей в Германии, и не поддерживающей с ним даже простых отношений «привет-пока». Но не утверждаю, потому что Федора Егоровна покинула наш мир, когда мне было три года, а тетя Марина была очень обижена на отца, по причинам, которые никому не известны, и никогда не отзывалась о нем хорошо.

Мужчина был высокого роста, очень худым и немного горбился, когда ходил. Длинный нос и неприятный прищур глаз напоминали мне персонажа из новогоднего мультфильма «Рождественская история», а именно – старого и ожесточившегося скупердя Эбенезера Скруджа. Плохо так говорить, но он уж очень был похож на него, как внешне, так и внутренне.

Дедушка молчал, уже как пять минут после моего моноло-

га со всеми подробностями, двигая челюстью в разные стороны, хмуря брови и иногда ерзая в огромном черном кресле, отчего он в нем смотрелся совершенно не к месту, даже нелепо.

– Нус-с-с, значит деньги на лечение? – задумчиво выдал он, выпятив губы, и постукивая пальцами по костяшкам левой руки.

– Да, – тихо подтвердила.

– Мм-м-м, а что этот лоботряс, мой непутевый сын, отказался, видите ли? Даже с этим не справился?

– Отказался платить, если через две недели я не выйду замуж за Вигорского Захара.

– Мм-м-м, говно, а не сын. Нус-с-с, что же... – процедил Сергей Иннокентьевич, что-то усиленно обдумывая, а потом продолжил: – Я помогу.

«Неужели?! Ура! Даже не верится...»

Моему счастью не было предела, но довольная улыбка исчезла, как только дед заговорил дальше:

– Но! Ты подписываешь документы, дающие мне право управлять твоим наследством до того времени, пока не выйдешь замуж или не наступит срок.

– Какое наследство? – удивленно уточнила, пытаясь не казаться недалекой в таком важном вопросе.

– Матери твоей, конечно. Какое еще? Она была богатой женщиной. Хитрый интриган, ее отец, позаботился об этом, – просветил меня дедушка.

– Но...

– Наследство Зинаиды должно было перейти к ней в 21 год, либо ее мужу, как только она находила достойного человека, одобренного отцом. Но большая часть денег из наследства откладывалась в банк под процент. Если наследница рожала девочку, то из общего резерва отложенной суммы ей автоматически создавали новый вклад, на который переходила определенная часть денег. Сумма выходила внушительная и, если девочка одна, никого больше не предполагалось с определенного возраста Зинаиды, оставшаяся часть полностью списывалась на счет дочери, добавляясь к той сумме, что уже была. Старик провернул эту ерунду, чтобы по женской линии девушки могли не беспокоиться о своем будущем и это было неоспоримым условием наследования.

– Это не шутка? – выдохнула, пытаясь все сложить воедино и принять как должное.

– Да что уж шутки. Я разве похож на шутника? – рявкнул недовольно Ройф.

– Простите, дедушка. А сколько там...

– Нус-с-с, скажем так, тебе хватит, – проинформировал он меня.

– То есть, я смогу оплачивать и дальше мамино лечение сама? – воскликнула, не веря своему счастью.

– Да, но по достижению 21 года. А пока, ты передашь мне права, которые сейчас находятся у твоего отца.

– Пойдите, – запнулась, пытаясь быстро соображать. – Но

вы сказали, сумму наследства нельзя трогать, допускается только процент в банке.

Дед прищурился и, насупившись, недовольно хрюкнул, а потом пробормотал:

– Нус-с-с, как бы тебе сказать. Там предусматривается условие для определенной части суммы в инвестиционные вклады, одобренные банком, чтобы увеличить лимит. В этом случае составляется договор с дочерью Зинаиды и опекуном и по получению всей суммы наследница добровольно отдает процент за его работу, согласно условиям договора.

Полученной информации хватило, чтобы выдохнула и кратко оценила имеющую ситуацию. Вопрос очень важный. Мое наследство лежит полностью в банке или определенную часть снял отец для увеличения суммы? Но я не подписывала никаких бумаг?! Тогда... нужно переговорить с папой. Или он все же как-то провернул... А могу ли я уговорить банк оплатить расходы на лечение, чтобы спасти маму?!

Дед вновь прищурился и, тяжело выдохнув, произнес:

– Ты не можешь получить деньги, и никак их взять. По условиям наследства эта сумма может только выгодно вкладываться в прибыльные мероприятия, чтобы увеличивать доход.

– Отец сейчас ведет мое наследство? – прямо спросила, желая знать ответ.

– Да, и знаешь, он всегда был тугодумом в деньгах. Не зря же я ни копейки ему не дал. Не люблю, проигрывать и

бездарно раздавать свое добро.

– Он женился на матери из-за денег? – задала вопрос, переживая, что отец первоначально обманул мать.

– Милана-Милана... Хотя и умная девочка, но глупая и наивная, – снисходительно ухмыльнулся дед.

– Разве я задала глупый вопрос? Ведь...

– Задавай вопросы про себя. Нельзя забивать себя в угол! Никто не должен знать, что творится в твоей голове, даже если там одни черви, и ни грамма ума. Будь умнее. А ты, все, что думаешь – на ладони преподносишь.

Сглотнула, и, облизнув пересохшие губы, произнесла:

– А ты...

– Опять, Милана, – проворчал Ройф, явно устав от меня. – Все твои вопросы написаны на лице. Если хочешь, чтобы тебя не сожрали такие, как я, нужно молчать и думать про себя. Не волнуйся, я отправлю тебе адвоката, чтобы мы заключили договор. По прошествии года я возьму свой процент с суммы наследства, а также вычту долг.

Сердце будто радостно подпрыгнуло в груди и я, улыбнувшись, искренне прошептала:

– Спасибо.

Дед хмыкнул, а потом проворчал:

– Иди, давай, а то у меня много работы.

Кивнула и, повернувшись к двери, пошла, но сделав несколько шагов, развернулась и поинтересовалась:

– А если бы у меня не было наследства матери, ты помог

бы мне?

Сергей Иннокентьевич внимательно посмотрел на меня, и сухо, даже высокомерно отчеканил:

– Нет. Не занимаюсь благотворительностью. Никогда!

Сказать, что меня эти слова оглушили, это ничего не сказать. Наверное, подсознательно, я знала его ответ. Ведь от такого прожженного жадного предпринимателя, как мой дед, другое было бы странно услышать.

Возможно, после сделки я поменяю о нем свое мнение. А может и нет...

Скупердйай Эбенезер Скрудж, пройдя все испытания, стал добрым и хорошим дедом даже для чужих, а мой, не помог бы, зная, что тем самым подписывает приговор моей матери. Ему подходит персонаж Плюшкина из поэмы Николая Васильевича Гоголя «Мертвые души». По книге – скупость сделала мужчину подозрительным, угрюмым и нелюдимым. Она вытравила из него даже отцовские чувства к детям: сына он проклинал, а нуждающейся дочери ничем не хотел помочь. Сейчас я вижу то же самое в родном дедушке, но не мне его судить. Главное, что поможет с оплатой, а в остальном – Бог ему судья.

Тихо закрыла дверь и поехала в университет. Сегодня воскресенье, но все учатся, отрабатывая вынужденную неделю карантина. Также будет репетиция.

Ирина Васильевна просила обязательно прийти, чтобы исполнить несколько песен. Петь то я могу, и красиво, но очень

стесняюсь, что является моим недостатком, с которым я усиленно борюсь, но плохо получается.

Глава 4

Отсидела пары, находясь в отличном настроении. Готова была петь соловьем. Посмотрела на часы и поняла, что есть 15 минут свободного времени, а потом пойду в актовый зал.

Спустилась по лестнице на первый этаж и пошла к выходу, желая немного подышать свежим воздухом, когда зазвучала мелодия моего сотового телефона. Захар.

Не хотелось разговаривать, но почему я должна бегать и прятаться?

Нажала прием и сухо ответила:

– Слушаю.

– Нам нужно поговорить, чтобы больше не расстраивать родителей, – сразу выдал мужчина деловым тоном.

Родителей? Для моего отца расстройство – это нормальное состояние в отношении меня.

– Захар, я не выйду за тебя, – спокойно произнесла, надеясь, что он поймет.

– Милана, давай без девчачьих капризов. Поговорим и все решим. Я через полчаса буду на стоянке университета. Жди.

– У меня репетиция, – мгновенно проинформировала, не собираясь пропускать подготовку к выступлению из-за него.

– Тогда буду через два часа, – недовольно рявкнул он.

– Хорошо, – выдохнула и тут же услышала гудки.

Не успела сделать и несколько шагов, как вновь послы-

шался звон телефона. Отец. Удивленно посмотрела на экран, не веря своим глазам, и сглотнув, ответила:

– Слушаю.

– Я около твоего университета. Поговорим? – сразу перешел к делу Сергей Сергеевич.

Посмотрела на свои черные сапожки, и устало выдохнула:

– У меня репетиция.

– Десять минут, больше и не нужно. Мне тоже некогда рассиживаться с тобой, – почти со злобой сообщил он.

– Хорошо, куда идти?

– Кафе, рядом с вашим университетом.

– Ты там?

– Да, поторапливайся, – буркнул отец и положил трубку.

Посмотрела на свой сотовый, и замерла на несколько секунд, стоя на улице. Отвратительное предчувствие разочарования повисло в груди. Хотя с отцом по-другому не бывает.

Как же было хорошо, когда мама жила с нами! С ней я даже не чувствовала угнетающей обстановки между мной и отцом, как сейчас. Это появилось тогда, когда ей стало плохо и наняли сиделку, ухаживающую за ней, а потом... начался сплошной ужас. А так, мама всегда старалась сглаживать все контрасты своей любовью и добротой, чего сейчас мне так не хватало.

Вздыхнула полной грудью и пошла по дорожке в кафе, находящееся на той стороне дороги. Войдя в помещение, выполненное в коричневых и молочных цветах, с круглыми

столиками и мягкими зонами, взглядом искала отца. Увидев его в дальнем углу пустого кафе, где почти никого не было, подумала, что он специально выбрал именно это место. Несомненно, для важного разговора.

Медленно подошла к нему, и села напротив. Только хотела задать вопрос, как подошла официантка и спросила, чего мы желаем. Я автоматически заказала шоколадный молочный коктейль, а отец рявкнул, что ему ничего не надо и пусть больше не подходят к нашему столику. Грубиян. Удивляюсь, как он работает с людьми, если не умеет вести себя даже в простом студенческом кафе.

– Что ты хотел сказать? – спросила, не желая тратить лишнее время, смотря на его недовольное лицо.

– В общем, чтобы дед тебе ни наговорил, у вас ничего не получится.

– Что ты имеешь в виду? – уточнила, сжимая свою маленькую черную сумочку, перекинутую через плечо.

– Я... истратил все твои деньги, – как ни в чем не было заявил он, нагло смотря мне в глаза.

Пораженно открыла рот, видя его ехидство и раздражение на лице, и с волнением прохрипела:

– Это невозможно! Банк не допустил бы...

– Все возможно, если заплатить нужным людям. Мне выдали всю сумму твоего наследства еще три года назад.

– Но... как ты мог? Ты не имел права! – воскликнула, не до конца понимая значения его слов. Мозг отказывался при-

нимать столь ужасную информацию.

– А на что я должен был жить и финансировать убыточный бизнес? Все, что зарабатывал, бесследно уходило на житейские расходы и зарплаты сотрудникам гостиниц. И когда Зина заболела, я увидел выход, выпросить у банка часть денег на лечение, а потом, через год уже перевел все на свой счет, чтобы раскрутиться и вернуть долг на место.

– Получилось? – с обидой прошептала, прекрасно зная его ответ, если мы сидим здесь.

Ройф Сергей со злостью посмотрел на меня, как будто я не имела права задавать такой вопрос оскорбленному ему. Но я-то как раз и имела, так что пусть будет добр и ответит на него.

– Поначалу – да, пошла прибыль, и расходы, потраченные на улучшение гостиниц, стали окупаться, чем был доволен, но потом... Черт возьми, я тебя содержал и Марии требовались дорогие безделушки, машина, загородный дом. А ты знаешь, сколько он стоит? Очень большие деньги!

– Ты покупал ненужную недвижимость и драгоценности своей жене на мои деньги? – воскликнула, не веря, что этот корыстный, жадный человек – мой отец. Разве такое бывает?

– Еще раз напомню, что ты, между прочим, тоже нуждалась в определенных средствах, – съязвил Сергей Сергеевич, щурясь левым глазом.

– Каких это? Одежда и еда? Ты о чем? Это мелочи по сравнению с той суммой...

Отец не дал договорить, стукнув по столу кулаком, и резко оповестив:

– Милана, у меня нет времени на твои истерики. Через полчаса важная встреча.

– У тебя встреча? – почти прокричала в ужасе от свалившегося на меня счастья. Неожиданно, как кирпич на голову. Прочистила горло и резко продолжила: – Да как тебе совесть позволяла меня еще и шантажировать?

– А что мне оставалось делать? На данный момент меня прижали кредиторы, за ссуду, которую я был вынужден взять на строительство новой гостиницы в Питере.

– Ты нормальный? Какая гостиница, когда ты с тремя не смог справиться!? Они вгоняют тебя в убыток, а ты взял ссуду на строительство новой?!

– У Марии была мечта открыть гостиницу в любимом городе, и, просчитав бизнес-план, я понял, что это стоящая идея...

– Нет, я не хочу тебя даже слушать, – выдохнула и резко вскочила, тут же услышав:

– Сядь, если хочешь, чтобы я и дальше обеспечивал оплату твоей матери, потому что, как только мой отец узнал состояние твоего счета в банке, передал тебе привет. Пожелал учиться и жить грамотно, принимая правильные решения.

Обида. Горечь. Ненависть. Мое сердце обливалось кровью от предательства собственных родственников.

Села, увидев официантку, быстрым шагом несущую мой

молочный коктейль, но мне уже ничего не хотелось. Совсем. Хотя нет, было желание вылить напиток в лицо Сергею Сергеевичу, чтобы убрать ядовитое счастливое выражение с его лица.

Так, нужно взять себя в руки, выслушать все предложения отца и решить, что из этого мне будет выгодно. По-другому никак. С такими акулами мне не справиться.

– Что ты хочешь? – устало спросила у него.

– Выйди замуж за Вигорского. Тогда... я верну твоё наследство в полной сумме, и у нас все будет отлично.

– Нет, я не выйду за Захара.

– Милана, без брака – ничего не будет. Я должен, помимо банка, Вигорскому Евгению, и эта сумма значительно превышает ту, что числилась на твоём счету.

– Только честно, почему именно я? Какая выгода Вигорскому от меня? – поинтересовалась, желая узнать правду.

Отец замялся и, посмотрев куда-то в сторону, замолчал. Даже жутко стало от его правды, которую он не желает мне рассказывать. Возникла резкая мысль об условиях банка, и я тут же выдохнула:

– Хочешь, я скажу за тебя?! Все банально просто. Мой муж будет руководить моим наследством, вернее долей, если учитывать несгораемый лимит наследства для девочек.

– Да.

– Вот видишь, у меня нет больше повода с тобой разговаривать. Ты не только потратил мои деньги, но ещё и решил

продать меня. Уж извини, как-нибудь без меня.

– Милана, а где ты возьмешь деньги?

Вопрос на живую резал меня острым лезвием по внутренностям. Да... загнали в угол... Почему так? Да что же за жизнь такая?

Посмотрела в окно, увидев людей, проходящих мимо кафе: кто-то спешил, другие медленно прохаживались, а я решала очень важный вопрос, на который знала ответ, но произнести его вслух – не хватало сил.

Мама будет жить, а это главное. А там, как в песне: «стерпится – слюбится». Может, и я свыкнусь, приспособлюсь.

Невероятно жутко звучали мои размышления, но других вариантов не было. Дед – алчный жестокий тиран, а отец – хитрый и подлый интриган. Про мачеху не хочется и вспоминать. А вот моя мама – единственная, кто достойна слов. Поэтому ответ только один.

Обреченно вздохнула, чувствуя себя барашком на жертвоприношении, и сухо промолвила, стараясь не разреветься от жалости к себе:

– Какой срок этого брака?

– Три года – минимум, но если у вас не будет с ним детей, то ты имеешь право развестись.

– Но...

– Та сумма, что является полностью твоей долей в наследстве, и все, что вы вместе наживете с мужем, – останется ему, если не составите изначально брачный контракт, что в твоём

случае не получится из-за большой суммы долга. При разводе тебе достается только квартира и определенная сумма в месяц.

«Жестко, но так предсказуемо».

– Это почему так?

– Условия наследства, внесенные в договор, указаны с целью, чтобы женщина выбрала себе надежного и верного мужа. Но определенная сумма так и будет в банке.

– Подытожим. Я выхожу замуж и развожусь, если не забеременею за три года, получая квартиру и маленькое содержание. Так?!

– Да.

С жалостью посмотрела на него и процедила:

– А я-то думаю, с чего ты такой добрый? Квартиру маме дал, которую после продал на расходы за лечение. А оказывается, по условиям договора.

Мужчина ничего не ответил, лишь пренебрежительно посмотрел на меня, давая понять, что мой анализ и рассуждения ни к чему. Да уж... чего и следовало ожидать.

– Я могу не бес...

– Скажи мне, а тебе какая выгода от того брака?

– Не твое дело!

– Несомненно, – согласилась и, вставая, тихо проговорила: – Хорошо. Я выйду замуж за Захара. Можешь радоваться, что выгодно и благополучно продал свою дочь.

– Ты сама этого захотела. Я предложил тебе выбор, – за-

явил он, самодовольно улыбаясь.

Не смогла удержаться от искреннего ответа:

– Выбора не было, и ты прекрасно об этом знаешь.

– Отлично. Не забудь позвонить Марии. Она тебе расскажет по поводу свадьбы и платья, а мне некогда, – рявкнул он и, швырнув на стол несколько мелких купюр, рванул из кафе, а я продолжала стоять, пытаюсь совладать с дрожью в горле.

Думаю, лучше посидеть. Опоздаю немного... Пусть. Сейчас мне очень нужно убедить себя, что все будет хорошо. Во всяком случае, попытаться в это поверить.

Глава 5

В огромном актовом зале было оживленно и весело, участники мероприятия кучками сидели на местах зрителей, о чем-то разговаривая, другие пели или танцевали, ну а Ирина Васильевна кричала громче всех, объявляя номера по фамилиям. Слушала я лишь краем уха, меня до сих пор трясло.

Сидела в стороне от всех, как прокаженная, и надеялась быстро спеть и уехать. Если бы я не обещала, то давно бы уже была в парке. Очень часто езжу в это красивое успокаивающее место отдыха, чтобы побыть одной и обо всем подумать.

А так... приходится здесь на сотый раз прокручивать все возможные варианты и пути их решения в сложившейся ситуации. Но, к сожалению, приемлемого и выгодного выхода для меня нет, как ни крути. Единственное, что необходимо сделать – взять письменное обязательство с отца о том, что он будет выплачивать все расходы на лечение матери, а потом заверить у нотариуса.

Еще, нужно съездить в банк и уточнить вопрос о состоянии моего счета. Проверить не мешает. Но вероятно, это повлечет огромное множество проблем, ведь тот, кто дал добро на использование наследства серьезно рисковал, и если я начну интересоваться, ему ничего хорошего не светит. Значит, суд, всплывут условия договора, все счета отца заморозят и... в конечном итоге... не будет средств для оплаты

лечения матери, а это неприемлемо. Никто не будет ждать в больнице, пока я найду деньги. Ставить жизнь мамы под удар, чтобы восторжествовала справедливость, у меня желания нет.

Также рассматривала другие варианты – ссуды, но и они недопустимы. Отец – банкрот, притом у него две огромные задолженности. И если в банке – полная вероятность оказаться за решеткой и оставить меня с долгами, ведь даже продав имущество и распределив между кредиторами первой и второй очередности, нет шансов на получение хоть ничтожной наличности, судя по предпринимательской жилке отца, жил он все три года на мое наследство.

И не стоит забывать про другой кредит – Вигорскому, в несколько раз превышающий банковский, и последствия неуплаты или моего отказа, вероятно, грозят ему смертью, впрочем, как и маме. Такой мужчина, как Евгений Борисович, не прощает и не спускает таких долгов. Он спонсирует отца и, если пойду наперекор, как итог: не будут осуществляться огромные платежи, притом в таких цифрах, в каких среднестатистический гражданин получает за год при средней оплате труда.

Кредит и ссуда на такую нереальную сумму неработающей мне при отце с огромной задолженностью, невозможны, да и бессмысленны. Помимо основного долга будет приличный процент, их я никогда не смогу оплатить. Дед отказал, и даже не потрудился сам сказать об этом, передал через сына.

Да и действительно, что говорить?! Сергей Иннокентьевич мне еще в кабинете заявил, что благотворительностью не занимается, а вновь просить, значит лишь разозлить его.

Черствые жестокие люди, не имеющие ни капли совести и стыда, не уважающие никого и ничего кроме собственных эгоистичных желаний.

Все, не думаю об этом, попытаюсь успокоиться.

Захар. Подлец, каких свет не видывал. Как прожить с ним три года? Про беременность понятное дело – противозачаточные таблетки буду принимать. Только вот спать с ним... нет желания, да никогда и не было. Пыталась как-то сблизиться, чтобы лучше понимать друг друга, а теперь, когда я – разменная монета, не дожидается. Будем терпеть друг друга положенный срок, а потом – развод.

Только на следующем курсе оканчиваю университет, а потом можно искать работу, что-то думать. Я бы и сейчас с радостью устроилась, три-четыре раза даже брали на полставки работать во вторую смену помощником бухгалтера, но постоянное вмешательство отца мне постоянно гарантировало – «пинок» с работы. Вот так, до ужаса обидно и несправедливо.

Нет, нужно отвлечься, тем более, сейчас выступать. Постараюсь думать о приятном, а то так и свихнуться можно. Ведь только так я и выживаю в своей семье последние годы. Учеба, курсы иностранных языков, плавание и помощь отцу, когда он просит. А просит он всегда, но считает меня ник-

чемной и неспособной девкой. У него, как и у деда, большая и неадекватная реакция, если женщина стремится к независимости.

Меня окликнули, и я пошла на сцену. Чувствовала себя ужасно и немного терялась. Потом увидела идущих по проходу светловолосую красивую девушку в голубой тунике и черных леггинсах, и Леру, высокую брюнетку с коротенькой стрижкой, одетую в фиолетовые бриджи и черный топик. Они поднялись, и сразу же отключилась музыка.

Я посмотрела на Ирину Васильевну, жестами объясняющуюся с блондинкой, и когда она ей довольно кивнула, повернулась ко мне, и с улыбкой произнесла:

– Миланочка, давай заново? Девочки решили поддержать тебя, так что расслабься и радуй нас своим прекрасным голосом.

От приятной неожиданности прикусила губу и, повернувшись к ним, тихо произнесла:

– Спасибо.

– Пожалуйста, – радостно прокричали они и приготовились к танцу, занимая одинаковые позиции.

Пошла песня. Я почти не зажималась, чувствуя себя уверенней и счастливей. Допела и, видя лицо руководителя, поняла, что она очень довольна.

Спустилась со сцены и, взяв сумку, направилась на студенческую парковку. Посмотрела по сторонам, но машины Захара нигде не было. Сотовый проиграл мелодию, и я отве-

тила на звонок.

– Да.

– Это Захар. Я задерживаюсь, поэтому жди час.

– Не собираюсь, – мгновенно отрезала, поражаясь его наглости и хамству.

– Милана, не выпендривайся, если получится – приеду раньше. Это ты ни хрена не делаешь, а я помогаю отцу с бизнесом, – рявкнул Вигорский и, перед тем как бросить трубку, я услышала женский смех.

«Сволочь! Помогает он отцу...»

Обида с новой силой закралась в душу, что этот хам считает меня обязанной его ждать. Несомненно, Захар в курсе всей ситуации и уверен, что я не сбегу. По-другому не объяснишь его поведение. Повернулась, чтобы пойти в кафе и почувствовала мощный удар в лоб. Меня тут же откинуло в сторону на мокрый и грязный после растаявшего снега асфальт.

Посмотрела на себя и ужаснулась: розовое пальто и высокие черные сапожки были в грязи. Да уж... Подняла глаза на виновника и узнала в нем светловолосую девушку, выступающую сегодня на подтанцовке. Она сейчас уже была в кожаных черных штанах и куртке, а в руках держала шлем.

Блондинка резко поднялась и подала мне руку, буркнув:

– Прости, не хотела.

– Ничего, это ты меня прости, – ответила, чувствуя себя отвратительно, периодически шмыгая носом, готовая в лю-

бой момент сорваться и разреваться.

– Ты что реवेशь? Не плачь, сейчас все ототрем... – быстро обнадежила девушка, подумав, что я из-за одежды расстроилась, и потащила меня в то же самое кафе, где я недавно общалась с отцом.

Мне стало неудобно, и к тому же не было желания вновь заходить в это помещение. Попыталась сказать незнакомке, что все хорошо, и я сама все сделаю, но ей было все равно. Она шла вперед, крепко держа мою руку.

Как только оказались в кафе, девушка позвала официантку, очевидно, ее знакомую, и объяснила ей всю ситуацию. Из их разговора я поняла, что блондинку зовут Елена, а ее подругу – Вера. Официантка завела нас в туалет, и, достав чистые салфетки, стала помогать Лене отчищать мое пальто и протирать ее кожаную одежду, пока работницу не позвал начальник.

– Вер, спасибо, – искренне поблагодарила Елена.

– Всегда пожалуйста! – радостно прочирикала девушка и убежала обслуживать столики, а мы дальше продолжили чистить одежду.

Пока Лена терла, я стала понимать, что нервы за эти дни у меня не к месту. На пределе. И вся обида, разочарование стали давить, что меня прямо затрясло.

– Да что с тобой? – возмутилась светловолосая девушка.

– Прости, я...

– Говори прямо! Я не крокодил, не укушу.

И захотелось рассказать, поделиться, ведь все держать в себе просто до ужаса выбивало меня из себя.

– Да я не из-за одежды... Не могу прийти в себя после вчерашнего. Сейчас у меня должен быть важный разговор, где мне будут вешать лапшу на уши и унижать, – огорченно пробормотала я.

Елена внимательно посмотрела на меня, и резко выдала:

– Давай по порядку. Как я понимаю, это твой парень будет вешать тебе лапшу?

– Да, жених, – выдохнула, прислонившись спиной к стене. – Через две недели свадьба.

– А что вчера было?

– Ночью осмелилась приехать к нему в гости для важного разговора, сделать сюрприз, хотя я никогда так не делаю. А он там...

– С бабой? – предположила она.

– С двумя, – еле слышно выдавила.

– Ну и в чем проблема? Нахер, и все дела, – громко высказала свое мнение очевидно бесстрашная девушка.

Конечно, я с ней согласна, но ведь она не знает всю правду... И я не могу говорить об этом с чужими, да и зачем кого-то напрягать?! Выдала только часть правды:

– Не могу. Отец сказал на мою истерику, что в любом случае выйду за него, так как у них договор с его отцом. Они создают общую компанию...

– Ну и что?! Теперь с этим чмом нужно жить-поживать,

да рога продавать? – возмутилась Елена.

– А что я могу сделать? – с обидой выкрикнула, отворачиваясь в сторону маленького окошка, очень грязного. – А сегодня он позвонил и сказал: «Нужно поговорить, чтобы больше не расстраивать родителей».

– А вы с ним того... этого? – с интересом спросила она.

– Нет, я...

– Понятно, еще один ангелочек, – как-то устало проворчала она.

– Позвонил и сказал, что задерживается... почти на час...

Унижает даже в этом, а я не знаю, как мне быть.

– А если послать к черту? – предложила Елена.

– Отец сразу выкинет из дома, так и заявил вчера. Вроде нужно отрабатывать деньги, которые он в меня вбухал, – выдала, немного изменив информацию о себе.

– Ого! Сволочь! Прости, не удержалась. Все так серьезно?

– Да, он у меня на бизнесе помешан, а у отца Захара большие связи. В общем, меня никто не спрашивает.

– Понятно. А ты что сама?

– Чувствую себя ужасно, полным ничтожеством.

– Я тоже не айс. Слушай, а давай успокоимся? Поедем кататься! Пусть твой козлина гуляющий поцелует асфальт для разнообразия. А то привык только унижать.

– А если... – не ожидая такого предложения, я растерялась.

– Но почему он унижает, и ему все сходит с рук?! Ты тоже

забей и увидишь, твой Захар больше внимания станет уделять.

– Какое внимание? Я его не переносу, – честно прохрипела.

– Ого, вот это брак, – высказала она свое мнение. – Вы как жить будете?

– Саму пугает перспектива, но я всю жизнь вижу, как мама с папой жили и ругались. Да и сейчас...

– Да? Не завидую... Ну что же, тогда поехали?!

– На машине? – невинно спросила я, видя в ее руках шлем, но надежда умирает последней.

– Лучше! – обрадовала она и потащила меня через кафе, а потом и улицу к ее любимому транспорту.

– Я не смогу, – сипло выдавила, глядя на такую страшную махину. – Никогда на таком не каталась.

– Не сомневалась в твоём ответе. Не волнуйся, тебе понравится! Залезай, – довольно заявила Елена, заводя свой байк.

Вздыхнула и неуклюже села сзади, надев второй шлем, прикрепленный к багажнику, и сильно прижалась к ней, надеясь, что она меня не потеряет.

– Руки положи вниз. Там ручка, крепко держись за нее. Если боишься, то за талию, – недовольно прорычала байкерша.

– Угу, – пропищала, задерживая дыхание, с силой сжимая черную кожаную ручку.

Раздался рычащий звук, и мы резко подались вперед. Ловила новые эмоции, удивляясь тому, что мне это нравится! Но как только мы стали выезжать с парковки университета, дорогу нам перекрыл белый внедорожник. Захар собственной персоной на одной из своих машин. Не ожидая его так рано и не желая с ним сейчас общаться, когда мне так хорошо, возмущенно и протестуяще пискнула.

Мужчина, увидев меня на байке, округлил глаза и стал вертеть у виска пальцем, показывая, что у меня не все в порядке с головой, и чтобы слезала.

– Я тебе честно скажу: нужно внести немного разнообразия в ваши стремные отношения с этим крокодилом, – заметила Лена, повернув лицо ко мне.

– Думаешь?

– Абсолютно уверена.

– И что делать? – тихо спросила, ожидая интересных идей от строптивой девушки.

– Вытяни руку и покажи средний палец, – предложила Елена классический вариант из фильмов с самым невинным и беспечным видом.

– Я...

– Давай посмеемся над его изумленной мордочкой.

«А почему бы и нет? Разве только ему позволено ставить меня в идиотское положение? Пусть ощутит на собственной шкуре неприятное чувство досады и разочарования».

Вытянула руку, и показала средний палец, испытывая при

этом полное удовлетворение, несмотря на страх быть наказанной отцом. Хуже брака быть уже ничего не может, так что можно делать то, что хочется.

Захар изумленно замер с открытым ртом, а потом открыл дверь своей машины, желая высказать возмущение. Немного опешила, но Лена быстро нажала на педаль газа, и мы стремительно объехали его внедорожник на ее рычащем байке.

На секунду повернулась и увидела, что жених выбежал на дорогу и стал звонить по телефону. Да пусть хоть зазвонится! Для меня сейчас главное – не упасть!

Глава 6

Сумасшедшие потрясающие ощущения, от которых я визжала и кричала, искренне и страстно радуясь этим мгновениям. Такого со мной еще никогда не было. Просто непередаваемый калейдоскоп взрывных эмоций. Постоянно вертела головой, выглядывая из-за спины Лены, желая видеть, что там впереди, ни на секунду не закрывая глаза. Была в восхищении, как никогда, и не хотела, чтобы это счастье когда-нибудь заканчивалось.

Через полчаса мы уже выезжали из города. Правда, по пути сделали остановку в KFC, купив еды через окошко для тех, кто на колесах, а потом понеслись по гладкой захватывающей шумной дороге.

Как только приехали к озеру, и я очутилась на земле, с диким восторгом закружилась, не переставая смеяться от радости.

– Как мало для счастья нужно, – заметила Елена, улыбаясь мне.

– Это потрясающе! Классно! – кричала от восторга.

– Рада, что тебе понравилось, – довольно проговорила она, облокотившись о сиденье байка.

– Я бы все отдала, чтобы научиться так ездить.

– Кто же тебе не дает? – поинтересовалась девушка.

– А ты научишь? – с надеждой спросила, не веря в такую

возможность, мгновенно перестав кружиться.

– Не-е, у меня терпения не хватит, – честно ответила Елена.

– А кто тебя научил? – любопытствовала, с нетерпением ожидая ее ответа.

– Один парень, отлично ездит, он как-то связан с салоном байков, – скривившись, произнесла она.

– А он сможет меня научить? За деньги?!

– Нет, только не к нему. Я тебе дам адрес своего хорошего друга. Он душка, самое то. Он тебе поможет. А Айсберг – та еще скотина, поэтому тебе, ангелочку, нельзя с ним пересекаться.

– Почему? – удивилась, заинтересовавшись.

– Заморозит, – выдала она. – Он девушек одноразово использует, а потом они навзрыд плачут и пресмыкаются перед ним.

– Хорошо, буду знать, – промолвила и, не сумев удержаться, любопытствовала: – Ты с ним обожглась?

Она изумленно взглянула на меня и быстро проговорила:

– Нет! Не дай бог! Я связалась с таким убожеством, что Айсбергу до него, как до Китая.

– Что он сделал?

– Пospорил на меня...

– Боже, а я думала, что так бывает только в фильмах, – искренне поразились, что такое может действительно случиться. Хотя, о чем я говорю? У меня ситуация совсем не лучше,

просто я уже привыкла.

– Уверяю, в жизни бывает и похуже, – заверила байкерша.

– Понятно. Здесь классно! – прошептала, стараясь уйти от неприятной темы разговора, и оглядываясь по сторонам.

– И мне нравится, – с грустью согласилась Лена.

– Я вижу, что ты расстроена, – заметила я.

– Эх-х-х... Дракон мой огнедышащий шоркался с кикиморой... Это меня так задело, что стало больно.

– Ты такая необычная... – загадочно проговорила.

– Ну, клоуном буду работать, если бухгалтером не возьмут, – буркнула она.

– Хоть какая-то самостоятельность... Я работаю у папы, только мне нормальной работы не дают. Так, для вида...

– Я уже поняла, что у вас все для вида, – честно заявила подруга.

– Жестокая правда жизни, – тихо произнесла в ответ.

– Ты смотри... тебе в этом дальше жить. Родители – да, требования их понятны, но тебе с ним спать и находиться под одной крышей. А если он – такая мерзость, как говоришь, ты после поймешь, что жила в угоду другим, полностью сломав себя.

Лишь кивнула в ответ, не желая продолжать тему, а потом пошла ближе к озеру с камышами. Резко повернулась, и увидела, как Лена расстегнула куртку и достала телефон, что-то просматривая в нем. Не стала ее отвлекать от интересного занятия и направилась дальше. Села на берегу и, отгоняя

голодных комаров, мечтательно вздыхала, смотря в вечернее озеро.

На душе царили нежность и безмятежность. В такие моменты всегда вспоминаю маму. Ее улыбку, когда она прижимала к себе, о чем-то рассказывая, а я внимательно слушала, стараясь не потерять и словечка. Верила сердцем, что все еще может быть хорошо, хотя разум твердил, что это мечты. Пусть так, но пока возможно, хочу, чтобы она жила, а о неприятном постараюсь не думать.

Побыв еще час у озера, разговаривая по душам и перекусив едой из KFC, мы стали собираться домой. Я с нетерпением ждала того момента, как сяду вновь на байк и испытаю невероятные эмоции. Даже не верилось, что опять буду мчаться по дороге. Ощущать, как ветер бьет в лицо, а шум дороги на высокой скорости закладывает уши. Невероятно!

– Поехали! Поехали! – радостно и предвкушающе взвизгнула, вскакивая с травы, где мы сидели. – Мне не терпится вновь почувствовать этот сумасшедший адреналин.

– Я тебе номер дала, ты свяжись с Андреем. Он тебя покажет и научит. Классный и добрый парень, – напомнила Лена.

– Записала и завтра позвоню, если меня выпустят из дома, – радостно закивала, надеясь, что Андрей не откажет и сможет не только покатать, но и научить.

– Думаешь, Захар пожаловался? – поинтересовалась подруга, хмурия носик.

– Да. Он такой, любит другим грязную работу скидывать,

в данном случае, чтобы мне вправили мозги, – честно сообщила, испытывая разочарование, что «это сокровище» будет моим мужем, пусть и лишь на три года.

– Понятно, то есть у тебя сейчас разборки будут?

– Да, впрочем, как и у тебя.

– Даже не знаю, как себя поведу. Не понимаю себя... – с грустью сказала Лена.

– А я вижу, что ты по уши влюбилась, но не признаешь, – с улыбкой заметила.

– Да не-е, тебе кажется, – усмехнулась байкерша.

– Потом расскажешь, – весело выпалила в ответ.

– А тебе что грозит?

– Все будет как всегда, – грустно ответила, резко вспоминая, что мне предстоит важное мероприятие. – Кстати, мне нужно послезавтра свадебное платье в салоне выбирать. Новая коллекция. Я так не хочу...

– Представляю, – сочувственно произнесла Лена.

– Нет, не представляешь. Мария пригласила в салон для совета в выборе двух стильных и утонченных девочек, ее подруг в кавычках, с которыми мне можно общаться. Но они будут смотреть только на цену и моду, а то, что мне это не идет, никого не будет волновать.

– Весело тебе будет... – скривилась девушка, и мне сразу захотелось, чтобы она тоже там была, и честно высказала свое мнение.

– Слушай, Лен, а может, ты тоже придешь? Хоть правду

мне скажешь.

– Давай, только я это... с подругой приду, чтобы меня твои мегеры не сожрали.

«Навряд ли эту бойкую девушку кто-то сможет даже куснуть, не то, что съесть».

– Это кто?

– Настя, – радостно сообщила она.

– Знаю, классная девчонка, – заметила, вспоминая девушку с длинными темными волосами с совместных мероприятий, где мы выступали.

– Втроем точно что-нибудь выберем! – усмехнулась Елена.

– Хорошо, у меня даже настроение поднялось, – честно заметила, думая, что хоть платье у меня будет нормальное.

– Только ты скинь адрес и время заблаговременно, – предупредила она.

– Обязательно, или в кафетерии встретимся.

– Еще лучше.

– Отлично! Тогда поехали.

– Какая шустрая, – довольно пробурчала она, усаживаясь на свой байк. – Поехали, нас с нетерпением ждут.

– Это даже слабо сказано, – поддержала я и, устроившись позади, довольно заявила: – Но все потом. Сейчас сумасшедший адреналин. Ура!

И вновь эйфория чувств! Потрясающий восторг! Искрящийся адреналин от скорости на дороге, взрывающийся на

тысячи маленьких фейерверков. Наверное, я – сумасшедшая, но это мне безумно нравится!

* * *

Лена довезла меня до дома, не забыв сказать, что только в таком доме и могут жить зажавшиеся богатеи. Я лишь улыбнулась, немного сконфузившись от ее честности. Не привыкла, чтобы окружающие люди говорили то, что в действительности думают. На моем курсе в универе все держатся особняком, дети богатых родителей, только с двумя девушками общаюсь, но так, между прочим. Поэтому: в разговоре только то, что нужно и принято, а светловолосая байкерша не лезла в карман за словом, говоря то, что считала нужным.

Может так и правильно, но я считаю, что открыто выражать свои мысли нельзя, чтобы в некоторых ситуациях не обидеть словами человека.

Оказавшись дома, я быстрым шагом направилась в гостиную, где увидела отца, злого и недовольного, с презрением смотрящего на меня.

«Да сколько можно? И это после того, что он сотворил?!»

Отец с грохотом поставил стакан из-под виски на барную стойку и пошел на меня, расслабляя свой галстук. Видя мое спокойное выражение лица, замер, и процедил:

– Что это за непозволительные знакомые у тебя? Я запрещаю! И не смей больше вести себя неподобающим образом перед Захаром. А то...

Резко рванула к нему, и произнесла:

– А то что? Что? Останешься банкротом? Тебя посадят в тюрьму. Что тебе еще светит без моего согласия на свадьбу? Тюрьма? А как будешь Вигорскому выплачивать долг? И ты еще смеешь мне что-то говорить, когда протранжирил мое наследство?

– Я хотел как лучше! – выкрикнул он мне в лицо.

– А я не позволяла тебе распоряжаться своими средствами! И даже больше, тебе это было категорически запрещено по закону. Так что, если посмеешь указывать или порицать мои действия, то я быстро напишу заявление в прокуратуру о хищении огромной суммы денег с моего счета. И пусть тебя да банковских сотрудников потрясут вдоль и поперек. А то нашелся мне, правильный.

– Я твой отец! – с ненавистью крикнул он.

Удивленно посмотрела на него, поражаясь, что Ройф помнит, кто он мне, а потом снисходительно спросила:

– Когда ты им был?! Когда? Да мне наш садовник, дед Паша, ближе и роднее, чем ты и твой отец. С ним можно и поговорить, и подумать, и помечтать. А ты? Только яд источаешь, и пренебрежением окатываешь.

– Милана! – требовательно прохрипел отец, досконально пораженный моим протестом.

– Что «Милана»?! Что? – устало произнесла, понимая, что ему все равно, но, тем не менее, теперь он будет терпеть любое мое поведение, чем я и воспользуюсь. Роли поменялись. Отец зависит от меня, и шантаж больше не уместен.

– Не забывай про мать, – процедил Сергей Сергеевич, зло-радно улыбаясь чему-то.

– Я-то не забываю, поэтому выйду замуж. Но о хорошем поведении забудь! Даже не собираюсь! Буду жить эти две недели так, как хочу. И мне все равно, что ты думаешь по этому поводу, а особенно безразлично мнение разбалованного сына твоего компаньона.

– Вигорскому Евгению это не понравится, – осуждающе пробормотал он.

– Тогда пусть меняет невестку! Я не обижусь, – с улыбкой предложила ему.

– Милана, тогда я не смогу...

– А ты ничего не можешь, – рявкнула, и пошла к лестнице, а потом резко повернулась и добавила: – Нет, хотя можешь. Залезть в чужое, разорить и продать свою дочь с помощью шантажа.

– Милана!

– Спокойной ночи!

– Мы не договорили.

– О чем разговаривать? – невинно поинтересовалась я.

– Через пять дней будет объявлено о помолвке, и ты должна быть там.

Так и хотелось ему крикнуть, чтобы сам туда отправлялся, но переборов себя, впрочем, как всегда, произнесла:

– Я помню.

– Прошу тебя вести хоть там подобающим образом, не позоря нашу уважаемую семью.

– Буду стараться изо всех сил, – буркнула и пошла наверх, тут же добавив: – И еще, я не выйду замуж, пока не увижу обязательство об обеспечении всех расходов, необходимых маме, заверенных нотариусом.

– Зачем? – возмущенно и очень громко рявкнул Ройф.

Даже не поворачиваясь, ответила на его вопрос:

– Я тебе не доверяю! И штраф за неисполнение обязанностей там должен быть семизначной цифрой обозначен, чтобы не просто бумажка была для тебя.

– Ты жестока, – процедил он. – Твоя бы мать...

– У тебя учусь! – перебила и, наконец дойдя до коридора, продолжила: – И моя мама не огорчилась бы по этому поводу, так что не нужно... – замолчала, заметив со второго этажа его ненавидящий, презрительный, свирепый взгляд.

Странно, что он так зол. Ничего особенного я не попросила. Это нормально в сложившейся ситуации. Но отец принял это заявление хуже, чем мое будущее наглое поведение. Странно. Даже очень. Может он что-то скрывает про маму? Завтра вновь позвоню в больницу. Потребую поговорить с матерью либо Потребую перевести звонок на главного врача, чтобы мне нормально объяснили ситуацию.

– Ты мелкая... жадная...

Не дослушала, почти бегом направилась по коридору, чтобы не слышать его лестных слов в свой адрес. Пусть сам с собой и разговаривает, раз есть желание поделиться своими умозаключениями.

Как только оказалась в спальне, быстро разделась и пошла в свою ванную. Долго нежилась в пене с запахом абрикоса, погружаясь в приятные воспоминания о невероятной поездке, счастливо улыбаясь.

Оказавшись в постели, посмотрела на номер Андрея, с которым сегодня Лена переговорит, а завтра я ему позвоню и договорюсь о встрече.

Замечательно! Жду с нетерпением. Даже не верится, что я позволю себе то, что хочу, а не то, что хотят от меня другие.

«Моя новая жизнь на две недели началась!»

Глава 7

День шел в обычном режиме. Кроме «радости» за завтраком видеть злобное выражение лица отца и ехидный – махачи, всегда провожающей его на работу, никаких изменений не было. Даже странно. Очевидно, отец решил эти две недели не встречаться со мной, чтобы не расстраиваться изменениями в поведении дочери.

На последней паре отправила сообщение Андрею:

«Привет. Это Милана. Сможем сегодня встретиться для знакомства и первой поездки? Очень надеюсь».

Отослала и, положив сотовый рядом с собой, с нетерпением ждала ответа. Через некоторое время сотовый зажужжал, так как поставила на режим «вибро», и я прочитала:

«Привет, Милана. Конечно. Лена вчера звонила, рад буду тебя учить. Давай встретимся в парке где-то часиков в шесть. Сегодня можно уйти пораньше с работы, поэтому рвану сразу за тобой. Внимание!!! Одежда: джинсы или кожаные брюки, куртка. Никаких юбок и платьев! Обувь без каблуков. Второй шлем у меня есть. Только ты в нормальной одежде!»

Улыбнулась, стараясь не завизжать от счастья. Супер. Видно классный парень. Уверена, у нас не будет недопонимания.

мания. Мне он уже нравится.

Быстро стала набирать сообщение:

«Спасибо. Как я тебя узнаю?»

«Андрей!!! На черном огромном байке. Подъеду к входу центрального парка и просигналю. Думаю, не ошибешься».

Довольно расплывчато... но, наверное, он лучше знает, что делает. Ладно, думаю, проблем не будет. Улыбнулась и напечатала:

«Отлично в шесть буду ждать в парке. До встречи!»

Ответ пришел моментально, что несказанно порадовало:

«С нетерпением жду!»

Довольно вздохнула и отложила коммуникатор в сторону. Эх, надеюсь, я не опозорюсь и смогу вести байк. Машину умею, значит, и здесь справлюсь. Буду надеяться на это. Еле дотерпела до окончания пар и рванула домой смотреть гардероб и перекусить.

Работу решила нагло игнорировать. Две недели полностью мои. У меня маленький отдых перед ужасной и незавидной ролью жены Вигорского Захара. Ну а пока – да здравствует счастливая я!

Дома было тихо, даже музыка не гремела. Переодевшись, спустилась на первый этаж, и направилась в просторную, бо-

гую, будто царскую кухню через столовую, где, как оказалось, сидела на высоком стуле моя мачеха. Змея подколотая.

Высокая роскошная блондинка почти полулежала на своем троне в шелковом длинном ярко-красном халате, закинув ногу на ногу и держа в руках бокал с шампанским. Не желая общаться с ней, решила пройти мимо, но заядлая алкоголичка, не позволила, нагло прошипев:

– И что, наконец-то у овцы появился голос, и она решила ставить нам палки в колеса? Очнись девочка. Ты – никто!

Остановилась и с улыбкой заметила:

– А ты кто, чтобы имела право говорить мне что-либо по этому поводу?

Мария лениво поднялась и засмеялась, подергивая плечами, отчего ее грудь в полупрозрачной тряпке немного припустилась, оголяясь почти полностью. М-да, ужасно неприятно.

– Я – та, кто может управлять твоим отцом, – нагло заявила она.

– Это меня никак не интересует.

– Вот и глупая! Советую не переходить мне дорогу, а делать все, как от тебя требуют, – пьяно выдавила она, подергиваясь на месте.

– Тебя забыла спросить, – с пренебрежением ответила ей, удивляясь, как она еще стоит.

– Была бы дальновидней, возможно мы бы стали подруга-

ми, и я помогала тебе в некоторых вопросах. А так...

Взбесило. Даже не сказать, как. Эта подлая медсестра залезла в постель к отцу, вместо того, чтобы ухаживать за моей матерью, и еще смеет говорить о своем добром отношении ко мне? Не нуждаюсь!

Прищурилась и процедила, насколько смогла, ядовито, изображая свою однокурсницу Ирину Соловьеву:

– Ну что ты?! Я в подачках прислуги не нуждаюсь!

Даже не поняла, как резкая боль обожгла щеку. Да кто она такая? А потом, что еще больше поразило меня саму, развернулась и влепила пощечину ей в ответ. Да так мощно, что она завалилась на пол, раскидывая в стороны свои туфли на высоченных каблуках.

– Сука! – взревела она. – Да я... да я... все расскажу твоему отцу и он...

– Будет сидеть в тюрьме, если попытается поднять на меня руку. А ты будешь носить ему сухари в обычных кроссовках и спортивном костюме, а не в платьях от известного модельера под цвет элитной обуви.

Мария прошипела что-то про себя, а потом встала и кривой походкой, спотыкаясь, побрела в гостиную. Не дойдя, повернулась и ехидно заметила:

– Ничего, мы потерпим. А вот ты попляшешь через две недели. Вигорские, что отец, что сынок, мерзкие извращенцы и думаю, такую смазливую мордочку не оставят без внимания.

Окинула ее оценивающим взглядом, пряча страх от правдивости ее слов, и с натянутой улыбкой произнесла:

– Тебе-то виднее, раз знаешь такие подробности. А пока, ты права, у меня две недели, и я постараюсь их провести шикарно для себя и проблематично для вас, богатые паразиты-родственники.

– Да... я...

– Дверь прямо, если добавка не нужна! – громко процедила.

Молча смотрела на меня, а потом прошипела:

– Не хочу просто связываться с тобой, а то бы...

– Платочек и сухари?! – любезно помогла я ей.

В ответ раздалось хмыканье, и моя мачеха побрела вперед, наверное, спать, чтобы к вечеру быть на ногах и в добром здравии для «любимого» мужа.

Немного постояла, смотря ей в след, а потом побежала к Ольге Петровне, изумительной поварихе нашего дома. Старая добрая женщина всегда оставляет мне что-нибудь вкусненькое, угощая, естественно после того, как я съем суп и второе, хотя бы в маленьких порциях. Поэтому поскорее к ней, а потом звонок в больницу и поездка в парк.

* * *

Стою на остановке и чувствую себя разбитой. Не помню даже, как добралась сюда. Телефон забыла дома, когда ки-

нула его... не помню куда.

Как я могла? Да после разговора со всеми врачами в мамин-ной английской больнице, с которыми смогла пообщаться, почувствовала себя неврастеничкой и психованной дурой. С матерью не дали поговорить, заявив, что ей стало хуже, но они делают все, чтобы стабилизировать ее состояние. Я принялась названивать на все телефоны, требуя главного врача, который как оказалось, с сегодняшнего дня был в отпуске и мне ничего определенного не удосужились сообщить, только повторяли, что они все понимают, но не имеют права кон-сультировать по данным вопросам. В общем, мои попытки ни к чему не привели. Единственное, проинформировали, что на днях главврач сам позвонит мне и все объяснит.

Проревевшись, пошла собираться. Н-да... и сейчас я стою в голубых джинсах, фиолетовой куртке и в черных сапогах на каблуке... в семь сантиметров. Ну, вот как я одевалась? Просил же Андрей, а я не помню даже, как собиралась. Только когда выходила, заметила разбросанную одежду, которую не убрала, что на меня совсем не похоже. Руки дрожали и всю колотило...

Черт, а если он опоздает, тогда я буду здесь, как кумуш-ка неизвестно сколько стоять?! Посмотрела на часы, начи-ная нервничать, ведь Андрей уже задерживался. Через де-сять минут почувствовала себя неудачницей.

Пошла по тротуарной дорожке, как вдруг услышала рев мотоцикла. Резко повернувшись, увидела, что по дороге

едет, облаченный во все черное, парень, или скорее мужчина, судя по телосложению, на огромном, угольного цвета байке.

Не похоже, чтобы он собирался останавливаться и поворачивать к парку, но тут загорелся зеленый цвет, и люди стали переходить улицу по зебре. Я все так же стояла и смотрела на байкера.

Почувствовала, что воздуха в легких стало не хватать, когда мужчина в черном шлеме повернулся и в упор посмотрел на меня, уставившуюся на него.

Ну а вдруг, это Андрей?! Рукой не буду махать, на случай ошибки. Но вроде, все совпадает.

Как только загорелся красный, мотоциклист рванул с места, резко меняя полосу, направляясь ко мне. Поравнявшись, выключил двигатель и поставил байк на подножку. Снял свой головной убор и, окинув меня тяжелым взглядом, от которого пошли мурашки по всему телу, хрипло спросил:
– Подвезти?

Посмотрела на мужчину и немного выпала из действительности. Высокий красивый молодой человек спортивного телосложения с черными как смоль волосами, даже на расстоянии поражающий своей животной, хищной харизмой. Чуть ли не пискнула от неловкой встречи, которую я представляла с улыбками и шутками, а тут такой обжигающий взгляд темно-карих глаз, что почувствовала себя добычей.

«А может, я просто перенервничала?»

Сглотнула слюну и пролепетала:

– Андрей?

Мужчина прищурился, но на лице не отразилось ни одной эмоции, что привело в смятение. Произошла ошибка?! Но он тут же ответил хрипловатым чуть грубым голосом:

– Да.

Ох, и почему мне кажется, что что-то не так? Посмотрела на него и заметила:

– Ты задержался почти на полчаса.

– Дела, – лениво ответил он, пожирая меня взглядом.

– Понятно. А я... дома телефон забыла, и не смогла тебе позвонить. И еще, прости, совершенно забыла про твое условие.

Тут Андрей, пристально окинув меня взглядом, сразу уточнил:

– Какое именно?

– Что обувь без каблучков, но я...

– Садись, – буркнул он, и, как ни в чем не бывало, надел шлем. Развернулся и отцепил второй от сиденья, подавая мне. Его огромные руки соприкоснулись с моими, и меня как током обдало, но он лишь кинул: – Помочь?

– Подожди. Ты так и не сказал ничего о цене и когда... – замолчала, чувствуя что-то опасное в нем. И почему по его лицу ничего не понятно?! Станный какой-то. А еще чересчур уверенный и наглый. Закусила губу и тихо проговорила: – А куда мы? Или... знаешь, думаю, мне пока рано и...

– За город. Не бойся, я не маньяк, – утешил и улыбнулся открытой мужской улыбкой, резко притягивая ближе к себе за руку, отчего я бы свалилась с бордюра, если бы не его крепкая хватка. – Покатаемся, а там решим, что и как.

– Андрей...

– Садись, малышка. Руки на талию и поехали, – отчеканил он.

– Ладно, – согласилась и, удобно усевшись, обхватила его крепкий, мощный торс, тихо проговорив: – Лена говорила про ручку...

– Мм-м-м... Финсова? – уточнил байкер.

– Да, она же тебе вчера звонила?

– Угу. Держись крепче, и не отпускай.

Кивнула, чувствуя себя очень маленькой рядом с таким огромным мужчиной. И какой он душка?! Лена – шутница.

Поездка с ним несравнима с первым впечатлением поездки с Леной. Он как сумасшедший гнал по дороге, отчего у меня бешено стучало сердце, и трепетала от счастья душа. Я только крепко обнимала его, стараясь не упасть, но не боялась, даже не секундошки. Была уверена, что он этого не допустит.

Глава 8

Больше двух часов мы катались по трассе, обгоняя всех, кого можно на беспредельной скорости, казавшейся мне уже вполне нормальной. Андрей даже уделил тридцать минут моему обучению, периодически хмурясь и недовольно ворча, что с такими темпами кладбища и заполняются молодыми сопляками. Но я не обращала внимания на его комментарии, если только по делу. Старалась ехать правильно, чувствуя спиной огромное мощное тело мужчины, держащего меня за талию, чтобы в любой момент отнять управление. Это он так объяснил свои прикосновения ко мне, вернее, рывкнул, чтобы сомнений не было.

Тяжело было сосредотачиваться, когда он все сильнее прижимал меня к себе. Несколько раз просила об остановках, чтобы порадоваться за обучение и прийти в себя от взвинченного состояния, которое появилось благодаря моему учителю, постоянно задевающему некоторые части моего тела. Даже ласкающему, я бы сказала. Поэтому щеки горели, сердечко колотилось, а тело дрожало.

Решили остановиться у кафе близ дороги, где находилось много машин и байков. Андрей проехал чуть дальше, где место было обозначено парковочным столбом «краб» и, открыв ключом, въехал и поставил байк на подножку. Мгновенно слез сам и подал мне руку, от которой я не смогла от-

казаться в силу того, что меня немного потряхивало от скорости и адреналина.

Мужчина живо стащил меня с байка, и я оказалась в сильных крепких руках, что смутило. Попыталась отойти, но он не отпустил, недовольно выдав:

– Дай своему телу привыкнуть.

– Оно и так привыкнет, – пролепетала, все так же отталкиваясь, чувствуя, как мой учитель напряжен и недоволен.

Андрей с неохотой отпустил и поинтересовался:

– И как? Легче стало?

– Да-а-а, – прохрипела, ощущая всем нутром его скрытую злость. – Спасибо. Зачем мы здесь?

– За тем же, что и все делают в кафе, – буркнул он и направился в громоздкое кирпичное здание в виде замка, с вывеской «Харчевня».

– Постой, но мы же... – попыталась остановить, но он даже не обернулся. Поражаясь такой открытой наглости, с возмущением отвернулась, не понимая поведения этого упрямого мужчины.

Заметив, что на улице стало уже темнеть, вздохнула и пошла за ним. В помещении было очень светло, но прохладно. Интерьер выполнен в готическом стиле: темно-коричневая терракотовая плитка в отделке всех стен, на которые были прикреплены электрические светильники в виде факелов, дубовые столы и высокие стулья с декоративными спинками. Чуть дальше барная стойка и массивные деревянные сту-

ля, представляющие собой огромное ограждение, за которым находились официанты. Позади – стена с алкогольными напитками.

В таком месте ни разу не была, поэтому стала посматривать по сторонам, понимая, что оно пользуется спросом. Посетителей было много, как большими семьями, желающими подкрепиться, так и поодиночке – мужчины и парни в кожаных одеждах, пьющие пиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.